

«Майна неловкости»

Заметки о поэзии Леонида Агибалова

Есть в старом китайском трактате «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» удивительное место. Там говорится о двух качествах подлинного мастера: «В грубости и жесткости прояви мастерство кисти. В неловкости, неумелости выяви талант». Ведь только так можно достичь «одухотворенного ритма живого движения», который не постигается простым обучением, но дается свыше.

Леонид Агибалов — поэт именно этой «неловкости». Той самой, за которой скрывается не слабость, а иное зрение...

Если говорить о жизненном опыте, так необходимым человеку творческому, то у Леонида его предостаточно: служил связистом на Байконуре, играл на скрипке в оркестре, занимался торговлей антиквариатом, а окончив Литинститут, стал журналистом, потом заведовал издательским центром при сообществе писательских союзов, работал помощником гендиректора трамвайно-троллейбусного предприятия в Орле. Тут кажется, сама жизнь вела его «неловко», с зазорами и паузами, но в них и вызревал стих...

Поэт не стремится быть пророком, не поучает с кафедры. Он смотрит на всё как бы со стороны. Его лирический герой обращается к кентаврам «Кенты!». Или бродит по офису ночным полтергейстом. Или вспоминает, как в детстве ошибался, принимая фамилию купца за библейское имя, — и из этой ошибки вырастает целая философия.

Циклы сборника «Постскрипtum к раздумью» выстроены как попытка навести резкость на незримое. «Камерные сюиты» — всматривание в быт, где даже уход от возлюбленной на рассвете становится ритуалом. «В поисках утраченного» — археология детства, где том БСЭ оказывается «Ковчегом Завета». «Игры в бисер» — здесь автор позволяет себе роскошь интертекстуальной игры, смешивая Сенеку с Перро, Каллас с Дель Монако, бурятского поэта с японскими бессмертными. И везде — та самая «неловкость», которая не дает соскользнуть в пафос.

Поэмы **«Челюсть»** и **«Великий Мирный План»** — вершины этого подхода. В «Челюсти» искусственный зубной протез становится метафорой любого способа «вставить» в ирреальность здравый смысл. В «Великом Мирном Плане» буддийская сутра переписывается языком современной геополитики, и это создает неожиданную уморительную аберрацию...

Но главное, что держит всю книгу, — интонация. Автор разговаривает с читателем не свысока и не на равных, а с той самой «неловкой» дистанции, где уже не важны громкие слова, но важны паузы между ними, ритм повседневности. Этот ритм слышен и в **«Симфонии сумерек в шато Роше»**, где «слуги бредут, как стадо теней», и в **«Балладе о Василии»**, где рыночный торгаш внезапно оборачивается поэтом со зрачками, полными «жизнью больно загнанных гвоздей».

«Постскрипtum к раздумью» — книга о том, как жить в мире, где всё уже сказано, но не услышано. Где «пазл дня» в любую минуту готов разойтись по швам, обнажая «узор постоянства». Автор не предлагает ответов. Он просто оставляет след — тот самый «легкий, почти невидимый, как след от птицы на снегу».

Этим коротким предисловием я представил автора, но оно не раскрывает всей глубины **творче-**

ского замысла и внутреннего мира автора, так же как не раскроет видимое, внешнее восприятие стихотворений этого небольшого, но по хорошему содержательного сборника...

Однако читателю (думаю, и автору тоже) повезло с замечательными комментариями кандидата филологических наук Раисы Лукьянчиковой, которые завершают книгу и в которых дан полный и исчерпывающий анализ стихотворений. Надо отдать должное: автор комментариев оказалась вполне в теме нынешних постмодернистских веяний, да к тому же не лишена иронии и того самого «чуткого уха» к юмору, без которого чтение сборника свелось бы к упрощенному восприятию неявных смыслов.

Но комментарии Раисы Лукьянчиковой — не скучное разжевывание и уж тем более не назидание, а скорее, дружеское предложение «разделить удовольствие от текста», как некогда призывал читателя французский семиотик Ролан Барт: «Посмотри-ка сюда, тут у него отсылка к Сен Сёнагон, а здесь он прячет улыбку за цитатой из Пиранделло». Для нынешнего любителя поэзии, которого не удивишь ни верлибром, ни постмодернистским коллажем, такой взгляд — вещь полезная. Он не объясняет стихи (объяснять их — дело неблагодарное), но подсвечивает смысловые связки, которые при беглом чтении легко прозевать. А прозевав, можно и не заметить, как вдруг оказывается, что за вполне бытовой историей прячется вариация на классический сюжет, а вроде бы лирическая зарисовка оборачивается язвительным памфлетом.

**В. Анишкин, чл СРП,
чл. Союза военных литераторов**

Цикл:
«Камерные сюиты»



*Их девушки восторженно и юно,
Еще во власти струн, выходят к ним,
Прощаются, рассаживаясь шумно...
Но той, кто за рулем — невозмутим.*